

Какую роль выполняет в современной науке и культуре категория *истины*? Как изменяется содержание этой категории в контексте неонеклассического мышления? Возможно ли построение научной картины мира на иных, не-истинностных эпистемологических и аксиологических основаниях?

«ОНС» начинает серию публикаций по материалам дискуссии, состоявшейся в редакции. В ближайших номерах мы предполагаем продолжить обсуждение данной темы с участием философов, психологов, обществоведов и приглашаем включиться в него всех заинтересованных читателей.

Акоп НАЗАРЕТЯН

Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии)

В начале 80-х годов в Москве состоялся научный симпозиум, на котором с обычной бескомпромиссностью схлестнулись различные школы советской психологии. В перерыве я разговорился с американским коллегой, давно изучавшим нашу отечественную науку и увлеченно следившим за ходом дискуссии. «Мне очень нравятся ваши теоретические споры,— заметил он с хорошо скрытой иронией,— они сильно отличаются от наших. У нас докладчик излагает концепцию, затем выступает оппонент, говорит, как ему понравился доклад, с которым он в целом согласен, но хотел бы внести ряд уточнений. А далее — излагается концепция, диаметрально противоположная исходной. У вас же все наоборот: кто-то что-то докладывает, тут же на трибуну поднимается другой, заявляет, что все прежде сказанное в корне ошибочно, и потом... говорит то же самое, но другими словами».

Мне запомнилось это остроумное наблюдение, потому что за ним — глубокое различие методологических и политических культур. То же различие угадывается за ожесточенной критикой В. Лениным скептической философии Э. Маха, с энтузиазмом принятой европейскими и многими русскими социал-демократами. Это был конфликт двух стилей мышления, психологических и политических установок: на фанатическую мотивацию, бескомпромиссность убеждений, форсированное, не считающее с жертвами достижение целей, с одной стороны, и на терпимость, эволюционное движение к цели путем последовательных компромиссов — с другой.

Здесь не место обсуждать вопрос о том, что «первично» — гносеологическая ли парадигма обуславливает характер мотивации или, напротив, субъект подбирает «под мотивацию» соответствующую парадигму? Важен сам факт сопряженности концептуального и практического способов освоения мира. Дело в том, что глобальный антропогенный кризис, обострившийся прежде всего из-за несоразмерности выработанных предшествующей культурой средств сдерживания экологической и социальной агрессии наличному технологическому потенциалу, поставил перед людьми задачу критического переосмысления устоявшихся мыслительных процедур¹. Новейшие же тенденции в методологии научного знания органично вписываются в контекст общецивилизационных потребностей, давая дополнительный

¹ Я рассматриваю здесь эволюционный кризис современной цивилизации как характерное выражение общеисторического закона, связывающего устойчивость социальной системы с внутренним равновесием между мощностью технологий и качеством ценностно-нормативных средств самоограничения (см. подробнее Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика социального прогресса. М., 1995).

импульс обретению наукой лидирующей роли в процессе адаптации культуры к небывалому могуществу инструментального интеллекта.

Со времени Г. Галилея и Ф. Бэкона научное мышление (по преимуществу физикалистическое, принципиально отторгающее субъектные категории) во многом противостояло мышлению мифологическому, унаследовав, однако, одну из его имманентных черт — веру в то, что существует внешнее по отношению к человеку, полное и абсолютное знание о мире. Изменились источники и методы поиска Истины, но сама она, *agnita veritas* (в латыни слова «истина» и «вера» одного корня), оставалась священной коровой, которой клялись и попы, и философы, и самые крутые натуралисты. Из двух взглядов на предмет по меньшей мере один полагался непременно ложным. Полемистами вольно или невольно примысливался третий, метафизический Авторитет, носитель полного знания, а суть полемики состояла в том, чье суждение ближе к замкнутой системе истинных постулатов.

Правда, после И. Канта стало принято различать «абсолютную» и «относительную» истины, заговорили и о том, что знание конкретно, а мир пребывает в вечном движении. Однако ядро мифологического мышления опять-таки осталось нетронутым, так как субъект с заведомо ограниченным опытом наделялся способностью устанавливать окончательную границу между абсолютно и относительно истинным знанием, отделяя в нем то, что безусловно верно, от того, что еще может быть уточнено.

Практика показывает, что, приписав человеку такую принципиальную способность, никто не удерживается от соблазна примерить ее лично к себе, а риторические оговорки только делают этот соблазн более устойчивым к неизбежным разочарованиям. Поскольку же мне известна Истина, то любые альтернативные суждения я непременно сочту ошибочными, незрелыми или преднамеренно лживыми. Поэтому «истинностное» мышление эквивалентно авторитарному, сопутствуя нетерпимости в идеологии, в науке, в политической и обыденной жизни.

Недавняя история нашей страны с особой очевидностью продемонстрировала парадоксальную закономерность: упор на «объективной» истине открывает простор субъективистскому беспределу. Чем больше методологи твердили об объективном знании, тем решительнее блокировали новые идеи в науке; ссылкой на объективные законы истории аргументировали самые волонтаристские решения в политике; на объективной теории стоимости строилась экономическая практика, поражающая своей абсурдностью...

Я думаю, именно в сфере гносеологии обнаруживается решающее отличие того, что называют новым мышлением, от прежних мировоззренческих установок. Современная наука, в арсенале которой теорема Геделя о неполноте, принцип неопределенности, принцип дополнительности, многозначные логики, элевационистская стратегия междисциплинарного синтеза² и прочие экзотичные для классической науки идеи, уходит от истинностной гносеологии, заменяя ее мышлением модельным.

Это качественно иной взгляд на полемику и диалог, на ценности и нормы отношений в научном, а вместе с тем и во всем человеческом сообществе. Для человека, ясно сознающего, что он связан с миром через посредство идеальных моделей и оперирования ими, сама категория истины становится избыточной или, во всяком случае, периферийной. Достоинства и недостатки модели можно обсуждать с точки зрения функциональной эффективности, стройности, емкости и т. д., понятие же истинности к ней неприменимо. Но коль скоро модель позволяет интерпретировать доступные сведения, прогнозировать и эффективно управлять, то не следует ли из этого, что она истинна? Такое умозаключение является содержательно пустым, «множит сущности без надобности» и поощряет у методологически наивного исследователя склонность к «онтологизации».

Притягательность истинностного мышления в том, что оно экономит умственные усилия, оберегая от критической рефлексии освященные тем или иным Авторитетом смысловые пласты. При этом оно сохраняет качества культовости, религиозности, объединяя верных Истине людей ценой более или менее жесткого размежевания с людьми неверными и воплощаясь в соответствующих стереотипах социального поведения.

В рамках модельной гносеологии противоречащие друг другу представления видятся, как правило,

² Элевационизм (от лат. *elevatio* — возвышение) — тенденция, альтернативная редукционизму и набирающая силу в науке последних десятилетий. Ее суть в том, что аналогии распространяются «сверху», от эволюционно высших к низшим формам взаимодействия, которые рассматриваются сквозь призму эволюционных перспектив. Таким образом, например, представления о конкуренции, отборе, информации, управлении, системно-целевой подход проникают из психологии, социологии и биологии в неорганическое естествознание (см. подробнее Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной; истоки, становление, перспективы. М., 1991).

не взаимоисключающими, а взаимодополнительными. Разнообразие возможных моделей так же неограниченно, как разнообразие взглядов на предмет и задачи деятельности. Если же модели конкурируют между собой, то не по «близости к Истине», а по иным критериям — например, с точки зрения того, какая из них продуктивнее для решения данной задачи при данных условиях или какая более последовательно обобщает наличные сведения, демонстрирует лучшие прогностические возможности. Осознание функциональности, неустраняемой субъектности знания как такового, его принципиальной незавершенности делает отношение человека к миру скептическим и мудрым, а отношение к оппоненту — терпимым и заинтересованным...

Здесь уместно указать на два обстоятельства, способствующих дезавуации истинностного (авторитарного) мышления в науке. Во-первых, конкурентоустойчивость концептуальной модели в общественном сознании определяется ее соответствием как наличному опыту, так и практическим задачам³. Нетрудно показать, что в соответствующие эпохи тому и другому вполне отвечали представление о плоской Земле, геоцентрическая картина космоса, теория теплорода... Во-вторых, любое обобщение опирается, помимо конечного количества более или менее эксплицированных посылок, на едва ли не бесконечное количество посылок имплицитных, исчерпывающая рефлексия которых потребовала бы, соответственно, бесконечного количества слов; между тем изъятие из фундамента хотя бы одного элемента способно нарушить устойчивость теоретической конструкции. Так, например, отказ от совершенно неререфлектированного допущения об абсолютно твердых стержнях (т. е. неограниченной скорости передачи сигналов) превратил механику И. Ньютона из учения о всеединых законах мироздания в предельный частный случай более общей физической теории.

Я использую примеры из естественных наук только потому, что они общеизвестны, сравнительно просты и достаточно красноречивы, тогда как иллюстрации из гуманитарной сферы потребовали бы обстоятельных объяснений по несущественным для данной темы деталям⁴. В целом же приведенные соображения помогают сформулировать принципиальные для гносеологии выводы. С одной стороны, в бесконечно сложном мире *немыслимо содержательное высказывание, которое было бы абсолютно ложным* при любых уточнениях и сменах ракурса. С другой стороны, всякое высказывание, в том числе тривиальная констатация или чувственный образ, выраженные средствами какого-либо языка, содержат в себе экстраполяционную процедуру⁵, достоверность которой при отсутствии полной и исчерпывающей картины мира не может быть верифицирована безоговорочно, при том что количество необходимых уточняющих оговорок будет стремиться к бесконечности; таким образом, *сколь угодно богатый конечный опыт недостаточен для того, чтобы раз и навсегда установить границы достоверной, экстраполяции.*

Этот принцип «неопределенности заблуждения», или *нефиксированности экстраполяционных границ*, относится к числу сугубо методологических аргументов против претензии на окончательное разграничение «абсолютной» и «относительной» истинности знания, а тем самым — в пользу модельной гносеологии. Но более актуальным сегодня я полагаю аргумент, если угодно, «прагматический». состоящий в том, что с модельной гносеологией сопряжена этика взаимодополнительности, терпимости и компромисса.

Эволюционный кризис поставил перед современной цивилизацией вопрос о кардинальном повышении удельной продуктивности технологий, определяемой как отношение полезного продукта на единицу затрат (разрушений). Ученому, знакомому с законами энергетики, термодинамики и экологии, не нужно доказывать, что любая созидательная работа оплачивается разрушительными эффектами и что данная зависимость образует извечную коллизию в развитии устойчиво неравновесных процессов — жизни, цивилизации. Но, говоря о «шадящих» технологиях, обычно имеют в виду по большей части материальное производство, где отношение удельной продуктивности выражается объемами вещества и энергии. Между тем исследования по семиотике, информатике, культурологии показывают, что духовный мир также живет по экосистемным законам, а потому и в сфере духовного бытия созидание никогда не обходится без деструктивных издержек.

³ Это, в общем, относится и к типично мифологическим суждениям. Специальными исследованиями показано, что классический миф содержит не только инструкцию о действии в определенной ситуации, но и доказательство преимущества данного действия перед всяким иным.

⁴ Отмечу только, что идеи дополненности, многозначности, дуализма, размытых множеств заимствованы физиками, логиками и математиками из психологии, которую сам предмет исследования вынудил опередить прочие дисциплины в разработке нефизикалистических подходов.

⁵ Языковое значение как «адресованное обобщение» изначально построено на экстраполяции, а потому даже самые суровые требования позитивистов не способны устранить обстоятельство, зафиксированное поэтическим гротеском В. Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь...».

Модельное мышление позволяет решающим образом повысить удельную продуктивность интеллектуальной работы. Знаменитая формула Б. Спинозы: «Всякое утверждение есть отрицание» — остается, конечно, в силе, однако изменяется соотношение созидательных (утверждающих) и разрушительных (отрицающих) эффектов. Творчество становится более «щадящим» для духовной экологии, и это уже само по себе не может не сказаться на атмосфере человеческих отношений.

Заключительные замечания сформулирую в умышленно гротескной форме как основание для дискуссии.

Методологам пора недвусмысленно признать, что истинностная парадигма науки уже превратилась в анахронизм, оставить соответствующий понятийный аппарат служителям культов и ориентировать работу в области логики, гносеологии и аксиологии на функциональные (прагматические) категории. Задача научных исследований — не поиск Истины, а построение эффективных моделей мира, позволяющих, с одной стороны, повышать инструментальный потенциал интеллекта и, с другой — совершенствовать механизмы самоограничения. Если определяющей «общечеловеческой» ценностью в условиях кризиса принять выживание планетарной цивилизации, то главными средствами, которыми наделяет человека научное знание, становятся сила и мудрость — умение целесообразно управлять внешними процессами и внутренними импульсами. Ибо только углубляющееся вмешательство интеллекта в ход естественных событий с комплексной оценкой последствий и надежным самоконтролем способно отвратить от человечества угрозу самоистребления.

⁶ См. подробнее Назаретян А. П. Агрессия...